

РАЗДЕЛ V. Поэтика Ф. М. Достоевского

УДК 1751
ББК 80/84 III

*Д. А. Богач¹,
Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет
bogach_tv_86@mail.ru*

СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ ГОСПОЖИ ХОХЛАКОВОЙ (ПО РОМАНУ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»)²

На материале романа «Братья Карамазовы» рассматриваются семейные ценности госпожи Хохлаковой, которые по своей аксиологической природе находятся в «промежутке» между ценностями высшего порядка (семья Снегиревых) и антиценностями (семья Карамазовых). Утверждается, что семейные ценности госпожи Хохлаковой весьма размыты, именно поэтому и требуют детального научного анализа. Доказывается, что семейные ценности госпожи Хохлаковой хотя и заявлены как ценности, не подкреплены практикой деятельной любви, поэтому эти ценности непрочны, недостоверны, переменчивы и динамичны.

Ключевые слова: аксиология, Ф. М. Достоевский, мысль семейная, роман «Братья Карамазовы», семейные ценности

Применительно к роману Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» аксиология семьи представлена, как было принято считать, через такое явление национального сознания, как карамазовщина. В традиционном литературоведческом понимании карамазовщина олицетворяет собой все дурное и отвратительное в человечестве (А. А. Белкин) [2, 276], «донравственную» и «дохристианскую» национальную культуру (В. К. Кантор) [7, 68],

---

¹ Богач Дмитрий Александрович, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры литературы и методики обучения литературе, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Челябинск

² Исследование осуществлено в рамках научного проекта №18-312-10009\18 «Мировая литература глазами современной молодежи. Цифровая эпоха», выполненного при финансовой поддержке РФФИ

деградацию русского дворянства в эпоху буржуазных отношений (Н. М. Чирков) [12, 237], типологию нравственных ран и болезней русского человека (М. Горький) [4, 397], «массовый духовный нигилизм и дух отрицания традиционных ценностей» (Г. К. Щенников) [13, 11], синтетическую стихию, совмещающую признаки стихий «хлестаковщины» и «обломовщины» (Ф. В. Макаричев) [9, 96], иными словами, сопоставимую с другими нарицательными свойствами русской ментальности и образа жизни.

Важно отметить, что сам Достоевский понимал данное явление как ужасное порождение случайного семейства, которое генерирует торжество антиценностей, и исчерпывающе выразил суть карамазовщины устами своего героя: русское семейство, олицетворяющее всю Россию, в основе чего лежат натуры широкие, карамазовские, способные совмещать всевозможные противоположности и разом созерцать две бездны – высшие идеалы и низшее падение [6, XV, 129].

Антиценность случайного семейства заключается в утрате биологических и духовных связей между членами семьи, во взаимной вражде и ненависти, как итог – человек появляется «неготовым», нравственно опустошенным (Подросток, Дмитрий Карамазов и проч.): «Наши юные люди, развитые в семействах своих, в которых всего чаще встречается теперь недовольство, грубость, нетерпение, невежество и где почти повсеместно настоящее образование заменяется лишь нахальным отрицанием с чужого голоса; где материальные побуждения господствуют над всякой высшей идеей; где дети воспитываются без почвы, вне естественной правды, в неуважении или в равнодушии к отечеству и в насмешливом презрении к народу... Из этого ли родника наши юные люди почерпнут правду и безошибочность, направления своих шагов в жизни»? [6, XXI, 131–132].

Как справедливо отмечает А. В. Ляпина, «для Достоевского «случайность» связана прежде всего с разрушением привычной системы ценностей в период бурного развития капитализма и проникновения буржуазно-экономических идей и порядков в мир патриархальной семьи, где дом – храм, очаг – алтарь, семейный уклад – благочестие, идеал – любовь к Богу и ближнему, дружелюбие и взаимопонимание между чадами и домочадцами» [8, 293].

Карамазовщина настолько сильна по идеологии и так явно маркирована в романе, что может показаться, что семейные ценности, основанные на норме и идеале, остаются в данном произведении за пределами читательского внимания, однако это в корне неверно.

В романе много других семей (фабульно значимых), выражающих в себе как ценности высшего порядка (семья Снегиревых), так и промежуточные ценности (семья Хохлаковых), которые по своей аксиологической природе не являются ни «высокими», ни «низкими». И если семейные ценности Снегиревых очевидны (в их основе лежит безграничная любовь отца к сыну; члены семьи, несмотря на свое социальное неблагополучие, не утратили способность любить друг друга), то семейные ценности госпожи Хохлаковой весьма размыты, именно поэтому и требуют детального научного анализа.

Начнем с того, что сама госпожа Хохлакова является главным «учредителем» семейных ценностей, влияние ее порядков, ее семейных норм и правил значительно и авторитетно для ее дочери Лизы, больной экзальтированной девочки, прикованной к инвалидному креслу. Хохлакова далеко не главный персонаж романа Достоевского, но именно к ней приковано авторское внимание (возникает впечатление, что автор «смакует» сцены с Хохлаковой, что это для него эстетически драгоценный образ), неслучайно ей уделены целые главы романа. Кстати сказать, такой прием авторских интенций А. П. Власкин окрестил *живой водой воображения*, когда «в сюжете начинают *жить* по законам художества как раз те, кто в русле первоначального замысла играл чисто служебную роль» [3, 38].

Как справедливо отмечает М. С. Альтман, «Екатерина Осиповна Хохлакова и дочь ее Лиза в «Братьях Карамазовых» – лица эпизодические, но они обе, а в особенности мать, обрисованы Достоевским столь ярко и снабжены такими характерными приметами, что их прототипы можно установить не только с большой вероятностью, но и с полной достоверностью, так как в настоящее время, мы располагаем о прототипе Екатерины Осиповны Хохлаковой сведениями обильными и вопрос этот решающими» [1, 129] (ученый имеет в виду, что прототипом Хохлаковой послужила Л. Х. Симонова-Хохрякова, которая, увлеченная женским вопросом, писала Достоевскому эмоциональные письма о роли женщины в целом и о воспитании своей дочери в частности).

Этот образ, действительно, настолько живой, интересный и универсальный (один из самых колоритных карикатурно-ироничных персонажей романа), что позволяет Ф. В. Макаричеву всерьез говорить о хохлаковщине как о явлении национального сознания (наряду с карамазовщиной): «Хохлакова традиционно воспринимается в романе «Братья Карамазовы» как второстепенный персонаж. В то время как она представляет не только уникальный опыт Достоевского в создании женских образов, но и характеров вообще.

Ведь за этим образом можно усмотреть не менее яркое явление, чем «хлестаковщина» или даже «карамазовщина» <...> Хохлакова – взбалмошная, неуправляемая, непредсказуемая, стихийная натура» [10, 319–320]. С отдельными наблюдениями исследователя Ф. В. Макаричева над образом можно поспорить (в частности, на наш взгляд, несколько преувеличен уровень сумасшествия героини: «не может контролировать себя, ее постоянно «несет», а точнее, она постоянно «на взлете» [10, 320]), но с сутью явления смело можно согласиться.

Тем не менее, при всех интересных и нетривиальных открытиях «хохлаковщины» семейные ценности, которые, по нашему мнению, лежат в основе данного явления, до сих пор остаются на обочине исследовательского внимания. Тем и определяются, на наш взгляд, актуальность и новизна поставленного вопроса.

Госпожа Хохлакова, бесспорно, «взбалмошная, неуправляемая, непредсказуемая, стихийная натура» [10, 319], но в социальном измерении она является матерью и одновременно главой самого благополучного семейства из всех изображаемых в романе семей. Достоевский отмечает, что «госпожа Хохлакова-мать, дама богатая и всегда со вкусом одетая, была еще довольно молодая и очень милостивая собою особа, немного бледная, с очень оживленными и почти совсем черными глазами. Ей было не более тридцати трех лет, и она уже лет пять как была вдовой. Четырнадцатилетняя дочь ее страдала параличом ног. Бедная девочка не могла ходить уже с полгода, и ее возили в длинном покойном кресле на колесах <...> Мать еще с весны собиралась ее везти за границу, но летом опоздали за устройством по имению. Они уже с неделю как жили в нашем городе, больше по делам, чем для богомолья, но уже раз, три дня тому назад, посещали старца. Теперь они приехали вдруг опять, хотя и знали, что старец почти уже не может вовсе никого принимать, и, настоятельно умоляя, просили еще раз «счастья узреть великого исцелителя» [6, XIV, 43]. В социальном измерении, безусловно, перед нами мать, достойная уважения (одна воспитывает ребенка-инвалида, обеспечила быт и достойный уровень жизни своей семье, проявляет заботу, как умеет).

Сама Хохлакова фактом особого значения культивирует свой социальный статус матери семейства. Так, в разговоре с Дмитрием Карамазовым Хохлакова заявляет, что она писала литератору М. Е. Салтыкову-Щедрину о женском вопросе от лица «современной матери» (хотя прямо обозначить свою «современность» постеснялась). Другой пример. Резонивая следователя, Хохлакова заявляла,

что он не смеет бесцеремонно к ней являться ночью, потому что она является *матерью* семейства. Хохлакова, действительно, мнит себя современной матерью в стиле упрощенного толкования женского вопроса, сознательно позиционируя свою маскулинность и нивелируя свою фемининность (при наличии ярко выраженных «женских» черт характера). Рано овдовев, Хохлакова чужается внимания мужчин, ее оскорбляет возможное замужество с Ракитиным, сплетни о своих любовных приключениях не переносит, да и вообще – у нее как будто отсутствуют «женские» потребности (пять лет без мужа, а любовников не имеет): «Я сержусь и злюсь, но не очень, одним словом, этот легкомысленный молодой человек вдруг, представьте себе, кажется, вздумал в меня влюбиться» [6, XV, 16].

Кроме того, Катерина Осиповна признается, что не выносит женских слез, что ее два раза лечили от сумасшествия (а она все перенесла: как бы намекает о том, что она прошла «через огонь, воду и медные трубы»), тем самым культивируя в себе образ железной эмансипированной леди. Эти же ценности современной эмансипированной женщины она передает по наследству своей дочери Лизе. К примеру, Хохлакова не может представить, что ее дочь когда-либо выйдет замуж, отпустить дочь к мужу для нее равносильно смерти: «Дочке любовь, а матери смерть. Ложись в гроб» [6, XIV, 202]. Тем самым Хохлакова-мать видит в своей дочери надежный объект своих эмансипированных притязаний современной родительницы.

На самом же деле семейные ценности Хохлаковой организованы риторическим «словоблудием», красноречивым безудержем, в основе которых, выражаясь словами Ф. В. Макаричева, лежит красота лжи [11, 39]. Хохлакова одержима риторическими экспериментами, стихийными монологами, и единственный верный (и поневоле – вынужденный) зритель в этом «театре одного актера» – ее дочь Лиза, именно поэтому категорически против замужества дочери (иначе – Хохлакова потеряет свой драгоценный аксиологический статус современной матери семейства).

Может показаться, что монологи-акты Хохлаковой о том, что она любит все человечество, что она готова пойти в сестры милосердия и перевязывать раны страдальцам, целовать их язвы (в разговоре с Зосимой) и проч., полны лицемерия и циничной фантазии. Однако это заблуждение: такова инфантильная природа Хохлаковой, таковы ее ценности, в основе которых – потребность *выговориться*, стремление к *безграничному диалогу* (что, действительно, стало явлением национальной культуры и национальной стихии, вспомним, к примеру, деревенских ораторов из рассказов В. М. Шукшина). Ложь ее, безусловно, красива, но она непорочна: за этими фантазиями нет циничной корысти,

нет желания произвести приятное впечатление *с определенной целью* и проч., здесь проявляется неподдельная натура человеческая – «хохлаковская» натура.

Аксиологическую основу внутрисемейных отношений Хохлаковых составляет борьба в инфантилизме, стихийный риторизм, соревнование в каламбуре и словоблудии. Тем самым ценность в этой семье рождается на стыке указанных выше общих интересов:

«– Я вас жаждала! Я, главное, этого вынести не могу. Я сейчас вам всё расскажу, но теперь другое и уже самое главное, – ах, ведь я даже и забыла, что это самое главное: скажите, почему с Lise истерика? Только что она услышала, что вы подходите, и с ней тотчас же началась истерика!

– Мaman, это с вами теперь истерика, а не со мной, – прощebetал вдруг в щелочку голосок Lise из боковой комнаты. <...>

– Не мудрено, Lise, не мудрено... от твоих же капризов и со мной истерика будет, а впрочем, она так больна, Алексей Федорович, она всю ночь была так больна, в жару, стонала! <...> Как только вы подошли к дому, она вскрикнула, и с ней случился припадок, и приказала себя сюда в свою прежнюю комнату перевезть...

– Мама, я совсем не знала, что он подходит, я вовсе не от него в эту комнату захотела переехать.

– Это уж неправда, Lise, тебе Юлия прибежала сказать, что Алексей Федорович идет, она у тебя на сторожах стояла.

– Милый голубчик мама, это ужасно неостроумно с вашей стороны. А если хотите поправиться и сказать сейчас что-нибудь очень умное, то скажите, милая мама, милостивому государю вошедшему Алексею Федоровичу, что он уже тем одним доказал, что не обладает остроумием, что решил прийти к нам сегодня после вчерашнего и несмотря на то, что над ним все смеются.

– Lise, ты слишком много себе позволяешь, и уверяю тебя, что я наконец прибегну к мерам строгости. <...>

Ох, Алексей Федорович, я чрезвычайно несчастна!

– Да что ж такое с вами, мама-голубчик?

– Ах, эти твои капризы, Lise, непостоянство, твоя болезнь, эта ужасная ночь в жару, этот ужасный и вечный Герценштубе, главное вечный, вечный и вечный!» [6, XIV, 164–165).

Лиза Хохлакова не просто принимает правила игры, она активно включается в риторические забавы своей матери, сама является носителем этого риторизма, более того – не скрывает свою преемственность «хохлаковским» ценностям. Например, если ее мать готова любить все человечество и активно это декларирует, то Лиза под впечатлением от «раннего человеколюбца» Алеши «готова

за людьми ходить, как за больными» [6, XIV, 197]. Напомним, несмотря на то, что миссионерские и гуманистические декларации Хохлаковых так и остаются в стилистике риторизма и аксиологической утопии (невозможно любить все человечество, невозможно Лизе ходить за больными, она сама нуждается в помощи), ни мать, ни дочь никак нельзя упрекнуть в лицемерии: они находятся во власти своей человеческой природы. Кроме того, эти декларации, хоть и на словах, генерируют базовые универсальные ценности любви к ближнему. Приверженность «хохлаковским» ценностям в сознании Лизы проявляется также в проецировании будущего материнства, что высвечивает внутрисемейную аксиологическую преемственность:

«– Алеша, – залепетала она опять, – посмотрите у дверей, не подслушивает ли мамаша?

– Хорошо, Lise, я посмотрю, только не лучше ли не смотреть, а? Зачем подозревать в такой низости вашу мать?

– Как низости? В какой низости? Это то, что она подслушивает за дочерью, так это ее право, а не низость, – вспыхнула Lise. – Будьте уверены, Алексей Федорович, что когда я сама буду матерью и у меня будет такая же дочь, как я, то я непременно буду за нею подслушивать.

– Неужели, Lise? Это нехорошо.

– Ах, боже мой, какая тут низость? Если б обыкновенный светский разговор какой-нибудь и я бы подслушивала, то это низость, а тут родная дочь заперлась с молодым человеком... Слушайте, Алеша, знайте, я за вами тоже буду подсматривать, только что мы обвенчаемся, и знайте еще, что я все письма ваши буду распечатывать и всё читать... Это уж вы будьте предупреждены...

– Да, конечно, если так... – бормотал Алеша, – только это нехорошо...

– Ах, какое презрение! Алеша, милый, не будем ссориться с самого первого раза, – я вам лучше всю правду скажут это, конечно, очень дурно подслушивать, и, уж конечно, я не права, а вы правы, но только я все-таки буду подслушивать.

– Делайте. Ничего за мной такого не подглядите, – засмеялся Алеша.

– Алеша, а будете ли вы мне подчиняться? Это тоже надо заранее решить.

– С большою охотой, Lise, и непременно, только не в самом главном. В самом главном, если вы будете со мной несогласны, то я все-таки сделаю, как мне долг велит» [6, XIV, 200].

Таким образом, следуя заповедям женского вопроса в изложении госпожи Хохлаковой, Лиза готова подчинить себе и дочь,

и мужа. В свете сказанного можно сделать вывод, что Лиза и подчинена этим семейным ценностям, и «облюбована» ими же. Культивирование подобных семейных ценностей, с одной стороны, открывает сложную человеческую натуру (потому что за этим скрывается трагедия обделенных любовью женщин), с другой стороны, демонстрирует неоднородность и динамику ценностной системы героев Достоевского.

Поскольку семейные ценности госпожи Хохлаковой не подкреплены практикой деятельной любви (а именно это и завещал старец Зосима Хохлаковой – любить ближних деятельно и неустанно), то сами эти ценности непрочны, недостоверны, переменчивы. Так, в сознании Лизы праведные ценности о любви к ближнему оборачиваются ненавистью ко всему человечеству (что является антиценностью). В определенный момент Лиза остро чувствует дефицит любви, по преимуществу – мужской любви, именно поэтому она предлагает себя аж двум мужчинам, именно поэтому так желает самоистребления, унижения, что готова быть истерзанной, обманутой и даже брошенной мужчинами.

Внезапно аксиологическая категория «красота лжи» превращается в «безобразие правды», когда Лиза говорит о том, что будет иметь любовников при муже, что будет наслаждаться распятием мальчика и пить ананасный компот, глядя на эту страшную картину, что подожжет свой дом и проч. Конечно, Лиза не способна на террор и циничные преступления, с ее стороны это тот же риторизм, только с самой ужасной, оборотной стороны ценности (если быть точнее – стоит назвать все это антиценностью). Потребность в деятельной любви, какую она не получила от матери, определяет ее бунт против традиционного мироустройства:

«– Я хочу себя разрушать. Тут есть один мальчик, он под рельсами пролежал, когда над ним вагоны ехали. Счастливец! Послушайте, теперь вашего брата судят за то, что он отца убил, и все любят, что он отца убил.

– Любят, что отца убил?

– Любят, все любят! Все говорят, что это ужасно, но про себя ужасно любят. Я первая люблю» [6, XV, 22].

Тирания и бунт Лизы, так или иначе, оборачиваются нравственным воскресением: себя корила за то, что *подлая*, одна из первых отправила букет цветов на похороны Илюше Снегиреву и проч. Это лишний раз подтверждает, что ценности Лизы как наследницы Хохлаковой заключены в инфантильной риторике, и не более того.

Таким образом, перед читателем представлена семья с определенным набором ценностей, но эти ценности не являются

высокими, праведными (в то же время – и антиценностями их назвать нельзя), поскольку ценности высшего порядка, по авторитетному мнению Ф. М. Достоевского, должны быть определены деятельной любовью. Ценность легко оборачивается антиценностью, поскольку не подкреплена праведным участием в жизни ближнего. В связи с этим еще до публикации романа на примере «Анекдота из детской жизни» («Дневник писателя», 1876 г.; из этого Анекдота и «выросли» антиценности Лизы Хохлаковой) Достоевский говорит о необходимости обращения родительского внимания к детям, о необходимости деятельной любви, иначе – девочки будут опорочены, а молодежь брошена на произвол судьбы.

Представление Достоевского о традиционных (базовых) семейных ценностях базируется на мировоззренческом опыте писателя, поэтому ему было что противопоставить «хохлаковским» ценностям. Неслучайно Достоевский посвятил последний роман Анне Григорьевне, своей любимой и любящей жене, в отношении с которой не просто был счастлив, а всегда оставался собой [5, 44], что и помогло ему авторитетно и высокохудожественно говорить о семейных ценностях со страниц литературных и публицистических произведений.

Литература

1. Альтман, М. С. Достоевский. По вехам имен / М. С. Альтман. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1975. – 280 с.
2. Белкин, А. А. «Братья Карамазовы»: социально-философская проблематика / А. А. Белкин // Творчество Достоевского / под ред. А. П. Белика. – М.: Наука, 1959. – С. 265–292.
3. Власкин, А. П. Живая вода воображения в образной системе произведений Ф.М. Достоевского / А. П. Власкин // Достоевский и современность: материалы XXVIII Международных Старорусских чтений 2013 г. – Великий Новгород: Новгородский государственный объединенный музей-заповедник, 2014. – С. 35–42.
4. Горький, А. М. Еще о «карамазовщине» / А. М. Горький // Ф. М. Достоевский в русской критике: сб. ст. / вст. ст. и примеч. А. А. Белкина. – М.: ГИХЛ, 1956. – С. 380–397.
5. Достоевская, А. Г. Солнце моей жизни – Федор Достоевский. Воспоминания: 1846–1917 гг. / А. Г. Достоевская. – М.: Бослен, 2016. – 769 с.
6. Достоевский, Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. / Ф. М. Достоевский. – Л.: Наука, 1972–1990.
7. Кантор, В. К. «Братья Карамазовы» Ф. Достоевского / В. К. Кантор. – М.: Худож. лит., 1983. – 190 с.

Д. А. Богач

8. Ляпина, А. В. Основные мотивы семантического поля «случайное семейство» в романе Ф. М. Достоевского «Бедные люди» / А. В. Ляпина // Вестник Омского университета. – 2013. – № 4. – С. 292–297.
9. Макаричев, Ф. В. Художественная реинкарнация стихий в творческих исканиях Ф. М. Достоевского / Ф. В. Макаричев // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2011. – № 1 (12). – С. 96–103.
10. Макаричев, Ф. В. Феномен «хохлаковщины» / Ф. В. Макаричев // Достоевский. Материалы и исследования. – Т. 19. – СПб.: Наука – 2010. – С. 319–331.
11. Макаричев, Ф. В. Художественная индивидуология в поэтике Ф. М. Достоевского: автореф. дисс. .... докт. филол. наук / Ф. В. Макаричев. – Екатеринбург, 2017. – 44 с.
12. Чирков, Н. М. О стиле Достоевского / Н. М. Чирков. – М.: Академия наук СССР, 1963. – 309 с.
13. Щенников, Г. К. Роман Достоевского «Братья Карамазовы» как явление национального самосознания / Г. К. Щенников. – Челябинск: Металл, 1996. – 178 с.

MADAM HOKHLAKOVA'S FAMILY VALUES
(BASED ON THE NOVEL BY F. M. DOSTOYEVSKY
«BROTHERS KARAMAZOV»)

D. A. Bogach

Abstract

On the material of the novel «Brothers Karamazov» madam Hokhlakova's family values which by the axiological nature are in the "interval" between the values of the highest order (the Snegirevs) and anti-values (the Karamazovs) are considered. It is claimed that madam Hokhlakova's family values are very indistinct, for this reason they require a detailed scientific analysis. It is proved that the family values of madam Hokhlakova though are stated as values, they are not supported by the practice of active love, therefore these values are fragile, doubtful, changeable and dynamic.

Keywords: axiology, F. M. Dostoyevsky, thought family, novel «Brothers Karamazov», family values

Поступила в редакцию 24.09.2018